

БОЛЬ, БОЛЕЗНИ И МЕДИКАЛИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Введение. В рамках данной статьи будет предпринята попытка проанализировать изображение болезней и лечебных практик, а также медиализацию восприятия рассказчика в романе «Письма русского путешественника». Следует отметить, что важность непосредственного чувственного впечатления при описании болезней и лекарств в медицинском дискурсе возросла с середины XVIII в., что отразилось не только в специализированной литературе, но и в художественных произведениях: «Включение научного описания в художественный текст могло ограничиваться одним-двумя эпитетами... или быть более развернутым – как, например, в руссоистских текстах Карамзина»¹. Имя Карамзина в приведенной цитате отнюдь неслучайно, но прежде чем рассматривать «Письма русского путешественника» в качестве источника сведений о повседневном наблюдении и описании болезней, следует обрисовать ряд важных для данного исследования положений.

Во-первых, необходимо понимать, что болезнь имеет дискурсивное измерение, и в этом смысле, так же как врачи и больные, участвует в производстве дискурса знания и власти. Эта тема волновала М. Фуко, который указал на изоморфизм идеологии и клинического опыта². Однако, если принять позицию Фуко полностью и буквально, то следует признать, что исследование болезни по отношению к повседневному опыту конца XVIII в., тем более на основе письменного, дискурсивно-нагруженного источника, невозможно. Тем не менее, при более детальном анализе сочинения Карамзина оказывается, что дискурсивное измерение текста, даже в смысле Фуко – по отношению к производству знания, не заслоняет собой описания повседневности, но, напротив, обогащает его содержание.

Во-вторых, стоит иметь в виду, что «Письма русского путешественника» – это не только путевые заметки, но в первую очередь литературное произведение, подражательное и новаторское³. Ка-

¹ *Пироговская М.* От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря. URL: www.nlo-books.ru/node/3979.

² *Фуко М.* Рождение клиники. М., 2010. С. 122.

³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–526.

рамзин вдохновлялся не только «Сентиментальным путешествием по Франции и Италии мистера Йорика», но и европейским сентиментализмом вообще и его философскими истоками – сочинениями Локка, Кондильяка и Руссо. В данном случае это важное и эвристически значимое для понимания особенностей описываемых болезней замечание.

В-третьих, следует поставить вопрос о характере исследуемой повседневности. Дело в том, что в исторической науке повседневность была проблематизирована французской Школой анналов в связи с ее проектом «тотальной истории», подразумевающим отказ от классической «истории королей» и обращение в том числе к истории быта не представленных в традиционной историографии групп людей – крестьян, горожан, обывателей и т. д. В этом смысле описываемый быт русского путешественника элитарен и не характерен для большинства населения не только России, но и Европы, это опыт состоятельного придворного дворянина, который отправляется в путешествие по урбанизирующейся и становящейся буржуазной Европе, причем возникает вопрос относительно ординарности этого вояжа – это ли составляло основу дворянского быта? Как итог, мы видим, что это довольно частная история, которая могла пониматься как всеобщая исключительно через принадлежность к определенному статусу и даже читательскому кругу. Естественно, что сам Карамзин предполагал, что его читатель знает грамоту, принадлежит к определенному сословию и имеет образование, а потому сможет соотнести описание, например плохого самочувствия, данное порой даже в «романической» форме, с конкретным бытовым опытом. Исходя из этого, кажется более продуктивным сконцентрироваться не столько на попытке обрисовать довольно зыбко улавливаемую в единичном литературном источнике повседневность конца XVIII в., сколько на анализе тех моментов, которые для книжно-печатной культуры того времени служили материалом для «бытовых зарисовок».

Перейдем к общей характеристике описания болезней в «Письмах русского путешественника». Прежде всего стоит отметить, что рассказчик в романе занимает позицию путешественника – автора писем своим близким, поэтому повествование и передача впечатлений ведется от первого лица, что облегчает базовую категоризацию описания «нездоровья»: это либо описания самочувствия нарратора, либо заметки об окружении. Разбор описаний болезней, лекарств и врачебных практик уместно будет начать с анализа автоописаний, а потом можно будет перейти к рассмотрению сторонних наблюдений рассказчика.

1. *Анамнез русского путешественника*. Несмотря на то, что автоописаний у Карамзина больше, чем упоминаний о болезнях других лиц, не стоит их расценивать исключительно как риторические фигуры: находясь в русле общеевропейской сентименталистской литературы, они отражали мировоззрение и автора, и рассказчика. Эти описания также являются результатом творческих усилий Карамзина по созданию в русском языке конструкций, выражающих чувства. «Мы не можем уловить чувство до тех пор, пока оно не получило имени, которым оно обозначается или выражается. То есть нам не дается аффективный опыт сам по себе: историку явлена лишь часть аффективного опыта, перешедшая в высказывание»¹. При анализе автоописаний процесса восприятия боли и болезней важно учитывать философские взгляды Локка и Кондильяка, во-первых, ввиду зависимости сентиментализма от сенсуалистической эпистемологии, что прослеживается и в исследуемом тексте, во-вторых, потому, что на фоне отказа от картезианского механицизма усилилось влияние сенсуализма и на медицинский дискурс XVIII в., в частности на формирование органолептического описания лекарств². Рассмотрим основные темы автоописания: меланхолию, боль, голод и жажду, а также нарушения сна и усталость.

Меланхолия. Главной и самой насыщенной ассоциациями болезнью у Карамзина становится меланхолия, и это неслучайно. Почему мы можем рассуждать о меланхолии именно как о телесной болезни, а не только как о психическом состоянии? Начало медицинских представлений о меланхолии относится еще ко временам античности: сперва появилось учение Гиппократовых четырех темпераментах, а затем римский врач Гален на его основе разработал теорию гуморов (жидкостей), каждый из которых соотносится не только с телесным, но и с душевным состоянием человека. Важно отметить и то, что в рамках этой концепции описание четырех элементов: воды, огня, земли и воздуха, а также их выражений в виде отдельных природных объектов и свойств: тепла, холода, сухости и влажности, также подчинено логике этой четырехчастной системы. Гуморальная теория легла в основу европейской медицинской практики и господствовала вплоть до XVIII в., но даже во времена Карамзина ее влияние оставалось сильным: «До тех пор, пока наука не вооружилась достаточно точными анатомическими и химическими методами, чтобы доказать умозрительный характер черной желчи, этот мрачный гумор оставался наиболее приемлемой и синтетиче-

¹ *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии. М., 2016. С. 247.

² *Пироговская М.* От materia medica до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря.

ской репрезентацией жизни меланхолика, пребывающей в плену телесных забот, отягощенной печалью, бедной на инициативу и движение»¹.

Для Карамзина важны все аспекты меланхолии. На протяжении всего сочинения можно встретить около двадцати упоминаний о меланхолии. Роман начинается с описания меланхолического предчувствия расставания с родными местами, людьми, вещами². Рассказчик уже испытывает ностальгию, характерную для меланхолика, но в то же время жажда путешествия ее перевешивает. Для врачебной практики того времени путешествие противоречиво соотносится с меланхолией – это и средство, помогающее от нее избавиться, и ее признак³. Последнее же упоминание о меланхолии находится в самом конце книги: рассказчик размышляет о ней на корабле, который везет его обратно домой, и связывает это ощущение с покинутой Англией и ее туманной погодой⁴. Как уже было отмечено, физический характер меланхолии для нарратора столь же важен, как и проявления меланхолии в душе: в своих рассуждениях о температуре он относит ее к врожденной конфигурации тела, противопоставляя характеру⁵, который формируется на протяжении жизни под влиянием полученных впечатлений – отзвук локковской мысли о *tabula rasa*, разделяемой сентименталистами.

Таким образом, меланхолия в тексте Карамзина выступает как: 1) следствие дисбаланса гуморов в организме, в частности крови (например, рассказчик описывает диету англичан: «Англичане не любят никакой зелени. Рост-биф, биф стекс есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами»⁶); 2) следствие тяжелых природных условий, в первую очередь состояния воды и воздуха (не будем забывать, что и вода, и воздух в гуморальной теории отвечают за соотнесенные с ними телесные жидкости); 3) проявление, переживаемое в душе, которое может даже носить характер припадков; 4) признак обостренного восприятия и художественной натуры, к которой явно относит себя и сам рассказчик.

Как вылечить меланхолию? В повествовании Карамзина приводится несколько средств, каждое из которых в том или ином виде использовалось в актуальной врачебной практике того времени. Ис-

¹ *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии. С. 71.

² *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. С. 5.

³ *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии. С. 108.

⁴ *Карамзин. Н.М.* Письма русского путешественника. С. 380.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же. С. 329.

ходя из гуморального характера этой болезни, терапия должна быть направлена в первую очередь на поддержание баланса основных телесных жидкостей, поэтому рассказчик, описывающий свое состояние, постоянно что-то пьет – чай и кофе, пиво и вино, просто чистую воду. Однако помимо соблюдения диеты русский путешественник приводит в пример и радостное созерцание природы, особенно водоемов (озер, рек и водопадов), как действенное лекарство от меланхолического недуга.

Боль. Описания собственной физической боли рассказчика не столь многочисленны, но примечательны тем, что подтверждают стойкость представлений о гуморальной теории и связанных с ней способами лечения. Что болело у русского путешественника? Прежде всего голова. Любопытно каждое из трех описаний головной боли, сделанное рассказчиком. Во всех описанных случаях боль приходит внезапно и вырывает нарратора из нормального режима как восприятия, так и письма в первом случае на несколько часов, во втором на день, а в третьем почти на две недели, что сказывается и на наличии пауз в принятом темпе написании писем. Примечательно то, каким образом наступает избавление от боли, которое неразрывно связано с ее причиной. В первый раз головная боль объясняется «волнением крови», то есть одним из четырех гуморов, потому и исцеление наступает после того, как рассказчик выпил воды и вина. Во второй раз боль приходит на следующий день после созерцания картин, изображающих смерть; эта «сильная головная боль» заставила рассказчика пролежать до вечера в постели, после чего он пошел гулять по городу – набираться более нейтральных, а значит, и более благотворных ощущений. Наконец, в третьем случае боль характеризуется как «жестокая» и связывается напрямую с природой, потому и избавление от страданий приносит она, а не докторские лекарства: «Исчезни воспоминание о прошедшей болезни! Я не хочу быть злопамятен против матери моей, Природы, и забуду все, кроме того, чем она услаждает чашу дней моих!»¹.

Остальные описания собственной боли носят ситуативный характер, они опосредованы теми событиями, которые претерпевает рассказчик – это механические травмы, полученные при сильной тряске повозки, озноб, появившийся после катания на лодке, и разрушительная морская болезнь. Ушибы, полученные русским путешественником, воспринимаются им, скорее, как досадная и раздражающая мелочь, а то, что его действительно волнует, – риск травмы органов чувств: «...я должен еще благодарить Судьбу, что глаза

¹ Там же. С. 166.

мои цели»¹. Случай с ознобом после катания на лодке – еще одна иллюстрация зависимости описаний самочувствия от гуморальной концепции. Избыток влажности вызывает озноб у русского путешественника, недомогание устраняется пятью чашками чая – проблемы с жидкостями организма лечатся другими жидкостями. Третье описание посвящено морской болезни и разбито на части; в первой указываются симптомы: головокружение и потемнение в глазах, затем следует разрыв в повествовании, после которого рассказчик ретроспективно описывает мучения от кинетоза. Данный пример напоминает описание головной боли, однако с важным отличием: Карамзин пытается создать ощущение прямой записи и фиксации симптомов, в то время как головная боль этого сделать не позволяла, все ее описания даны *post-factum*.

В итоге боль рассказчика понимается в тексте, прежде всего, как нарушение потока здоровых ощущений, внезапная остановка нормальной работы восприятия; слишком сильная боль, особенно головная, приводит не только к физическим страданиям, но и к нарушениям, разрывам письма, призванного в первую очередь фиксировать внутренние ощущения нарратора; менее интенсивная боль либо заглушается более сильными впечатлениями, например встречей с красивой девушкой, либо быстро уходит после приведения в порядок гуморов. Сенсуалистическая модель не только закрепляет творческую установку сентиментализма на улавливание непосредственных ощущений, но и медиализирует восприятие: влияние сенсуализма на врачебное дело XVIII в. приводит к появлению фибральной теории, в которой перцепция становится свойством нервной системы², а сильная боль в этой концепции становится сигналом нарушения нормального восприятия.

Жажда и голод. Жажда и голод приходят к рассказчику в редкие и необычные моменты, однако их утоление описывается с большим воодушевлением. Дело в том, что герой романа путешествует в комфортных условиях, не испытывает нужды в средствах, поэтому состояния голода и жажды наступают у него преимущественно в моменты туристических вылазок на природу. Самый характерный пример – описание встречи с пастухом во время прогулки в Альпах: он зачерпывает кружкой воду из ручья и дает напиток рассказчику, мучаемому жаждой³. Этот сюжет примечателен сплетением руссоистских мотивов – культа природы и мифа о благородном дикаре, а также лейтмотива гуморальной теории – животворящей

¹ Там же. С. 49.

² *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии. С. 79.

³ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. С. 137.

жидкости. Также жажда может быть вызвана недомоганием: рассказчик остро чувствует ее после приступа головной боли и усталости от долгого переезда: «Смертельная жажда томила меня, и за стакан воды отдал бы я половину своих червонцев»¹. В разной степени интенсивности, жажда рассказчика, как и боль, – это то, что мешает нормальной работе перцепции, утоление жажды сравнимо с избавлением от боли. В этом смысле, жажда оказывается встроенной и в гуморальную логику иссушения организма, и в сенсуалистическую фибральную теорию в качестве «нервирующей» помехи.

Сказать то же про голод нельзя: рассказчиком он переживается не так часто, с раздражением, но не столько перцептивным, сколько бытовым: это недовольство от плохо оказанной услуги. Все описание голода, наступающего, как правило, после прогулок, относится не к недостатку пищи, а к ее плохому качеству и скудному разнообразию. Сухая пища не имеет той ценности, которую имеет жидкость, поэтому детализированное описание блюд и приемов пищи носит характер указания на богатство конкретного стола или на радушность хозяев. Поэтому для рассказчика важнее не голод, а аппетит, отсутствие которого воспринимается как болезненность. Если меланхолия – главная болезнь рассказчика, то жажда – его основное, хоть и почти не проговариваемое, состояние, нуждающееся в постоянном удовлетворении.

Нарушения сна и усталость. Бессонница – состояние, достойное меланхолика: неслучайно первое ее упоминание в тексте используется как предлог для начала письма. Русский путешественник не может уснуть и решает потратить ночные часы на пересказ событий минувшего дня, после он подытоживает: «Чего не напишешь в минуты бессонницы!»². Эта «романическая» форма бессонницы слегка меланхолического, но творческого и восприимчивого человека резонирует с описанием ситуации беспокойного сна в дороге. Дискомфорт, испытываемый рассказчиком, проявился в том, что путешественник был вынужден спать сидя, а потому урывками. Вернуть бодрость помог кофе – одна из важнейших жидкостей в романе. Кофе не только помогает проснуться и почувствовать себя бодрым, он вызывает «сильное волнение в крови», то есть встраивается в общий гуморальный поток.

Кофе становится главным стимулятором и лекарством для рассказчика: он не только парадоксальным образом лечит нарушения сна, но и снимает физическую усталость. Прием кофе в больших количествах в перерывах между затяжными пешими переходами

¹ Там же. С. 43.

² Там же. С. 19.

дает силы на следующий отрезок пути. Важно отметить, что терапевтические свойства этого напитка четко связываются с симптоматикой усталости, вызванной недостатком сна или физической нагрузкой, ведь она наступает всегда с «волнением в крови», считываемым через биение пульса. Как уже упоминалось, кофе тоже волнует кровь, однако как именно усиление главного симптома усталости аналогичным эффектом напитка помогает справиться с бессилием, остается без ответа. Описание этих ситуаций обнажает сбой гуморальной теории, которая до этого казалась логически непротиворечивой. Как кажется, это связано с тем, что для описания конкретной группы ощущений не было найдено удачной словесной конструкции. Ведь в случаях с болью и болезнями, тем более жаждой, жидкости работали как лекарства в значительной степени в силу своего агрегатного состояния, а не качеств, они как бы разбавляли излишки и восполняли недостаток естественных гуморов. Кофе же работает иначе: он дает почти мгновенный и надежный эффект, это особый напиток, в котором важны в первую очередь его стимулирующие свойства, а не только те, что нормализуют состояние гуморов (хотя он может питься и для этих целей тоже).

2. *Анамнез болезней Европы.* Итак, анализ автоописаний дал нам представление о базовой сенсорной модели, сборке субъективности рассказчика. Но русский путешественник не бродит сам по себе, он погружается в неизведанный, то есть пока непрочувствованный, мир. Характеристика среды, которая способствует заболеванию или выздоровлению, а также описания болезней посторонних лиц и способов их выздоровления также занимают важное место в «Письмах русского путешественника». Такие описания раскрываются через созерцание – прямое восприятие, встречи с докторами, посещения госпиталей и домов умалишенных. Готовность обратиться к внешнему – основная эмпирическая установка, характерная для рассказчика; при этом можно отследить, как формируется его перцепция, зависящая от мифов руссоизма – культа природы и простого человека. В сторонних описаниях более явно прослеживается не только влияние представлений о роли гуморов в регуляции работы организма, но и зависимость рассказчика от современного ему медицинского дискурса, включающего помимо сенсуалистической фибральной концепции еще и миазматическую теорию. В тексте можно выделить гигиеническое восприятие рассказчиком грязи и чистоты, общие наблюдения болезней со стороны, а также описания медицинской практики – как частной, так и институциональной.

Грязь и чистота. Вода и воздух – две стихии, два неотъемлемо связанных со своими гуморами в галеновской системе элемента, и речь в «Письмах русского путешественника» идет прежде всего о

лечебных и болезнетворных свойствах грязи и чистоты. Рассматриваемые описания – точка перехода от гуморального, еще гарантированно природного объяснения причин болезней к гораздо более социальной миазматической теории. Подобно тому, как Руссо понимал деградацию от всеблаготворности природы к подавляющей культуре, в миазматической концепции происходит замещение причинности возникновения телесных недугов. В новой системе нечистоты, источающие болезнетворные миазмы, относятся к сильнейшему антропогенному фактору, поэтому русский путешественник проводит тщательную инспекцию воды и воздуха в городах пребывания, а также в лесах и горах, где воздух неизменно «имеет в себе нечто оживляющее». Особенно такая оценка касается воздуха швейцарских Альп, которым дышал и Руссо: «Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыхание мое стало легко и свободно... Друзья мои! я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения Всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова; но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту. Таким образом на самом себе испытал я справедливость того, что Руссо говорит о действии горного воздуха»¹.

Другое дело – воздух городской: рассказчик сетует на недостаточное количество садов, которые даруют «ароматические испарения», описывает зловоние канализации, наполняющее воздух гнилостными частицами: «Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Неужели нет у берлинцев обоняния?»². Эта вонь противопоставляется единственной чистой улице – липовой аллее. Карамзин, как реформатор литературного языка, совершал двойную работу: заботился о точности литературного описания и подбирал или даже изобретал языковые конструкции, чтобы зафиксировать такие чувственные ощущения, как запахи. Повышается и социальность восприятия: миазмы или благоухание начинают свидетельствовать о бедности или богатстве городской среды, об эффективности административной работы и о многом другом, постулируется разрыв с природой, которая не способна источать зловоние.

Болезни. Мы выяснили, что русский путешественник – жаждающий и восприимчивый меланхолик, иногда испытывающий приступы головной боли, страдающий от качки в морских путешествиях, но его вряд ли можно назвать больным, напротив – он полон оптимизма: «Путешествуя гипохондриком, чтобы исцелиться от своей ги-

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 34.

похондрии! Путешествуй мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»¹. Но так ли здоровы его попутчики и знакомые, больны ли европейцы, и, если да, то чем?

Недуги и ранения, которые описывает и наблюдает рассказчик, разнообразны и многочисленны – механические травмы, несовместимые с жизнью, смерти при родах, простуда и ее симптомы, горячка, обмороки, лишение конечностей, сумасшествие и уродство, меланхолия и даже венерическая болезнь. Для русского путешественника наблюдение болезней становится важной рефлексивной установкой: отслеживание телесных и душевных расстройств служит основанием для оценки социальных и природных особенностей тех стран, которые он посещает. Для путешественника важно состояние, в котором находится природа описываемых государств, именно ее сохранность и витальность становятся главными причинами здоровья – физического и духовного. Поэтому революционный Париж – шумный и урбанизированный (самый социальный и оторванный от природы) – становится сосредоточием тяжелых пороков, грязи и болезней, а пасторальные поселения Швейцарии – оплотом нравственной чистоты и физической крепости. Из описаний рассказчика мы узнаем, что в Англии, с одной стороны, приятная сельская местность, а с другой, меланхоличность и многочисленные душевные расстройства, вызываемые туманной погодой. Таким образом, широкие обобщающие портреты природы отдельных стран, предшествуя единичным описаниям недугов, объясняют социальные причины миазмов, вызывающих болезни.

Медицина. Описания медицины можно условно разделить на три области: 1) наблюдение за частной медицинской практикой; 2) описания лекарств и способов лечения болезней; 3) описания институциональных форм медицины.

Самые распространенные в тексте описания относятся к частной врачебной практике. Необходимо подчеркнуть, что специализация в медицинском деле во времена Карамзина была выражена довольно слабо: практикующие врачи были, и это отмечается в наблюдениях рассказчика, не только докторами, но и естествоиспытателями, и философами. С этим во многом связано и то влияние, которое оказывал сенсуализм не только на медицинский дискурс, но и на актуальные практики лечения болезней. Поэтому лекари, встречающиеся на пути рассказчика, не только и не столько лечат, но рассуждают о болезнях, используя распространенные философские идеи. Например, рассказчик в одном из писем приводит монолог молодого доктора медицины: «Испорченный желудок, сказал он,

¹ Там же. С. 94.

бывает источником не только всех болезней, но и всех пороков, всех дурных навыков, всех злых дел. Отчего моралисты так мало исправляют людей? Оттого, что они считают их здоровыми, и говорят с ними как со здоровыми, тогда как они больны, и когда бы вместо всех словесных убеждений надлежало им дать несколько приемов очистительного... Когда в машине нашей находится все в совершенном равновесии; когда все сосуды действуют и отделяют исправно разныя *жидкости*; одним словом, когда всякая часть управляет ту должность, которую поручила ей *Натура*: тогда и душа бывает здорова... Отчего в *златом веке* были люди и добры и счастливы? Конечно, от того, что они, питаюсь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка... Со временем предложу публике свои мнения и доказательства, которые, может быть, сделают революцию в философии»¹. Несмотря на то, что рассказчик «удивлялся логике доктора», мы видим, что в приведенном пассаже излагаются медико-философские установки, которые полностью разделяются русским путешественником, – это изложение подверженной влиянию руссоизма гуморальной теории. В тексте присутствуют рассказы о философских или этических принципах врачей: зубного лекаря, врача Лафонтена и доктора Б. – попутчика и товарища рассказчика. Описание же частной врачебной практики, непосредственным свидетелем которой становится путешественник, встречается только единожды, и это наблюдение описывает не процесс и технологию лечения, а моральную поддержку, которую оказывает врач умирающей пожилой пациентке. Из анализа имеющихся описаний можно сделать вывод, что доктора в романе лечат прежде всего те болезни, которые вызваны нарушениями естественного порядка жизни больных, и лечат их тем, что восстанавливают этот порядок, для чего им нужны не столько медицинские знания, сколько философские убеждения.

Что касается методов лечения, то легкие болезни лечатся только жидкостями – вином, молоком и т.п. Серьезные простуды, меланхолия и опасные болезни нуждаются в более интенсивном лечении. Поскольку основная цель терапии – восстановление гармонии между больным и природой, то главным способом исцелить болезнь становится поездка на воды. Термальные воды в «Письмах русского путешественника» – это почти панацея, их целебный эффект устраняет не только сплин, но и всевозможные телесные недуги: «Два колодезя – самые ближайšie к главному источнику, и потому самые действительнейшие – бывают всегда открыты для бедных. В них сидело при мне человек двадцать, опустясь в воду по горло;

¹ Там же. С. 84–85.

бледный и желтые лица их показывали, что они не для забавы пользуются водами»¹.

Те больные, кому не помогут воды, находятся в незавидном положении и смертельной опасности: их ждет госпитализация, соседство с чумными и душевнобольными, а также встреча с загадочной медициной в ее институциональных формах. В тексте Карамзина есть всего два, но зато очень ярких описания госпиталей. Обе больницы расположены во Франции – одна в Лионе, другая в Париже. По мнению русского путешественника, именно урбанизированная и полная миазмов Франция породила потребность в госпиталях. Лионская больница описывается как чистое и ухоженное место, в котором ужас смерти соседствует с радостью победы жизни, монахини выполняют обязанности медицинских сестер, но врачей рассказчик не замечает, в отдельном помещении «за железными решетками содержатся безумные»². Описание парижского госпиталя контрастирует с предыдущим: это тесное помещение, обеспечивающиеся водой из нечистой Сены.

Парадоксально, но чем ближе рассказчик подбирается к описанию медицинской системы, тем меньше степень медикизации его восприятия. Из уст докторов, с которыми встречается рассказчик, мы можем почерпнуть лишь чуть более детализированное указание на фибральную теорию. Русский путешественник при столкновении со смертельными заболеваниями перестает быть бытописателем, тщательно фиксирующим свои ощущения, и занимает этическую позицию.

Заключение. Сформулируем основные выводы, полученные в ходе проведенного исследования. В «Письмах русского путешественника» гуморальная теория с большей или меньшей очевидностью объясняет не только происхождение меланхолии, но и других болезней и состояний, при этом она причудливо переплетается с миазматической концепцией и теорией фибров (или нервов), вдохновленной сенсуализмом. Медицинская теория миазмов используется для объяснения болезнетворного отрыва социального от природного. Сильная боль, наблюдение смертельно больных или невидимые болезнетворные силы природы – все это не только отражается на нарративе романа, но меняет или даже прерывает письмо, приводит к переходу от бытописания к поиску рационализирующих происходящее риторических приемов.

¹ Там же. С. 126.

² Там же. С. 202.